

Фокина Анна
Кирилл Гончуков

Одна маленькая правда

16+

Кирилл Александрович Гончуков
Анна Олеговна Фокина
Одна маленькая правда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29822881

SelfPub; 2019

Аннотация

Давным-давно Земля была счастлива. Когда еще не было войн и споров. Но это было давно.

Большая повесть о маленьком человеке...

Пролог

Давным-давно Земля была счастлива.

Но не долго.

Сначала существа, что внешне походили на обезьян, но считали себя умнее только потому, что сумели спуститься с деревьев и выдумали, как пользоваться палками и камнями, устроили первую войну.

Но тогда они еще не поняли, что это значит.

Шло время, на смену им пришли узкоглазые потомки в мехах и латах. Они тоже решили, что за годы эволюции стали гораздо умнее, и теперь имеют полное право на всемирное господство. И вот, очередной провал. Затем появился маленький пухленький картавый человечек в треуголке и возомнил себя диктатором мира. Он тоже ошибался, и даже картавость не помогла ему в этом трудном деле. В результате, пузатого человечка смела сильная метель. И он улетел. А после, еще один недалекий потомок обезьян, зачесав челку набок и отрастив маленькие квадратные усики, продолжил это начинание. Но и ему не удалось захватить весь мир. Даже с таким эпатажем.

А еще был случай, когда белые люди стали бороться против черных. Вероятно, каждый из них хотел доказать, что

взошел на более высокую ступень развития, чем его соплеменник, а доказательством служило убийство.

Да, так они развивались.

И все они считали, что тем самым превзошли своих предков.

Однако обезьяны были куда умней.

Земля стала хворать.

Ее оболочка разрывалась от непрекращающегося дыма войны. Воздух стал смрадом. Почва кисла от пролитой крови, а растения и животные погибали из-за трупного яда.

Люди думали, что так они борются за мир во всем мире.

А в итоге, рады были только стервятники.

Для завоевателей голубь был птицей мира, журавль – птицей здоровья и долголетия. Но ежеминутно в тушу им вонзались острые клювы трупоедов.

Высшая раса губила свой дом.

Они не умели останавливаться и когда-нибудь, чтобы править, уничтожили бы все, а только потом заметили, что править, на самом деле, нечем.

Были, конечно, и те, кто был за мир. «Был», а не «боролся», ибо бороться за мир невозможно. Но такие люди погибали первыми, и оставались подпитывать Землю своими остатками.

Она не могла больше выдержать этого.

Ей нужен был перерыв.

Она помнила всех их – всех, кто населял ее. В какой-то

степени она дорожила ими, пока они не начали ее изничтожать. Она считала их микробами, бесчисленным множеством существ, проворно шныряющих по ее холмистому телу. Но они оказались паразитами. Люди пожирали Землю, умерщвляли безобидных созданий, стали диктовать ей свои правила.

Однажды она уже избавилась от них.

Но это не помогло.

Как зараза, хроническое заболевание, засевшее в дряхлеющем теле. Болезнь нельзя было извести. Она могла уснуть, потерять бдительность, но потом, спустя годы, века, тысячелетия, она снова вгрызалась в Земную плоть, оставляя на ней волдыри, ушибы и страшные ссадины.

Земля страдала.

Страдала долгие годы в сладостном предвкушении смерти. Сначала – смерти ее обитателей, а потом – своей собственной. Но они не давали ей умереть. Они просто продолжали ее мучить, разрушая так медленно, чтобы она могла почувствовать каждую свою утраченную частицу.

Жадные до чужой крови существа – люди, а не звери – стирали с нее города, страны и мнили себя ее защитниками.

А она умирала.

Медленно.

Мучительно.

В слезах.

Часть I

Одинок во Вселенной

Предыстория

Как-то появились два человека.

Я чувствовала их появление, ведь они были гораздо тяжелее, чем обычные люди. Они буквально давили меня, даже когда шагали так легко, как шагает кот, выслеживающий свою добычу. Так легко, как птица касается крылом облаков. И все же они причиняли мне невыносимую боль.

Один из них – несостоявшийся художник. Однажды, в его жизни случился некий перелом, и вместо того, чтобы окрашивать бардовыми красками закат, изображенный на холсте, он решил окрашивать кровью реальный мир. Ему захотелось чего-то более масштабного, выходящего за границы холста.

Выходящего за грань воображения.

Да, он был художником, и он так видел.

А второй придумал себе железную фамилию, под стать темпераменту и хватке. Он тоже любил красный, но немного в других тонах.

Первый из них почему-то возомнил себя лучше других, считая свою нацию самой правильной и лучшей, хоть сам и не являлся представителем этой нации. Так он хотел скрыть

свою слабость. Его душа горела жаждой власти и ненависти ко всем, самое страшное и губительное сочетание. Он хотел возвыситься над всем миром и ставил себя выше других. Мания величия, что тут еще скажешь. Нельзя делить людей на правильных и неправильных. Все люди равны между собой. Славяне ничем не хуже арийцев, а евреи не хуже цыган. Но этот человек считал по-другому. Он вбил себе в голову, что в мире может быть только одна – самая лучшая и самая чистокровная нация. Остальные же должны преклоняться перед ее силой и величием.

Или пасть ее жертвами.

Кратко говоря, в этом и заключалась его чудовищная идеология. Порабощая страны, одну за другой, его владения ширились. Но чем больше он получал, тем больше он хотел. Вечно голодное чрево, жаждущее пропитания в виде войн, сгнившей в тюрьме или на поле боя человеческой плоти и гадкого смрада. Он мог успокоиться только тогда, когда у его ног будет лежать весь мир.

Второй был сильным и волевым человеком. Его характер был под стать его фамилии. Но, как и все остальные, он был не безгрешен. Многочисленные репрессии и аресты довели людей и страну почти до религиозного страха. Народ боялся четырех букв сильнее смерти. «От каждого по способности, каждому по потребности!» – гласила идеология. Не самая лучшая, но значительно гуманнее, чем у первого человека.

У них было нечто общее. Оно не ощущалось так, поверх-

ностно, с первого взгляда. Его можно было уловить лишь в громыхающей тяжести шагов, в порой сбивчивом, но сильном дыхании. Они оба любили мир.

Только свой мир.

Выдуманный.

Они были для меня тяжелой ношей. Такой, какую я не в состоянии сбросить и теперь. Я чувствую их, ощущаю каждый день. Вот они, здесь, во мне, такие же грузные, как и при жизни. Они останутся невыносимой тягой, пока еще хоть кто-то помнит о них.

Они были настолько разными, что, искажая все доводы до абсурда, так сильно могли понять друг друга. Это было не признание, но простое понимание человеческих – а зачастую и дьявольских – целей.

Понимание и полное отторжение.

А когда они встретились – весь мой мир содрогнулся.

Глава 1

1919

Но был еще один, с легкой поступью, почти невесомый человек. Он исходил множество дорог, и не на одной из них не оставил ни вмятины, ни следа. Про таких говорят: «Человек без истории».

Но история у него была. Хоть и не такая масштабная, но не менее важная. Своя, маленькая, почти не приметная история.

История одного человека, влившаяся в жизни тысячи людей.

Не знаю, что особенного было во Льве Яковлевиче Дубае, чем он выделялся из толпы точно таких же существ, как и

он сам, чем указывал на себя, пребывая среди невзрачных людей в точно таком же пальто, с точно такой же сединой у висков, как обратил на себя мое внимание.

У него не было ничего, что подчеркивало бы его особенность, представляло как человека «другого сорта», более возвышенного, утонченного. Скрипка и чемодан с вещами – вот и все скромные пожитки выдающегося музыканта своего времени.

Петроград не приглашал его в самую свою глубь, не посвящал во все свои тайны, не открывал для него скрытых подворотен. Но он мог принять старого скрипача. Он мог его терпеть.

Музыкант играл с самого детства, играл произведения известнейших композиторов для заработка, и музыкой, витиеватым звучанием струн рассказывал историю своей жизни, историю жизни Петрограда – для душевного успокоения. Дубай сливался с городом, и это не делало его особенным. Напротив, всем телом вжимаясь в потрескавшееся пространство стен и арок, он становился еще более незаметным, частью камня или раскрошившегося кирпича. Тогда играл не он, играл сам город. Конечно, руками старого музыканта.

Он пробовал состоять в филармонии и даже в оркестре, но помещение стесняло его. Сжимало, брало за плечи и давило на них со всей силой, и тогда музыкант перебрался на улицу. Вернее, на улицы – у него не было постоянного пристанища или, если угодно, рабочего места, излюбленного, где-

то в самой сердцевине вечно спешащей толпы. Он зарывался в самые неприметные закоулки, скрывался от всех, и только тогда выпускал на волю ритмичное биение своего сердца. Другие люди, по неосторожности, именовали это музыкой.

Но это было больше, чем музыка.

Это был он сам.

Так проходила жизнь. Менялись дворы, менялась погода, менялись случайные зрители, менялся сам Лев Яковлевич, лишь не менялась его скрипка. Она стала для него не просто музыкальным инструментом, она стала частью его жизни, частью его самого.

Настоящая история музыканта всегда начинается с истории его музыкального инструмента.

Музыкант

Новая скрипка лежала на прилавке. Она еще не подозревала о том, что скоро в магазин войдет маленький человек. Она и думать не могла, что человек прикоснется к ней, проведет своим детским пальчиком по ровно настроенным струнам, по грифу, так нежно и преданно. Конечно, она не знала, что когда-нибудь постареет, что корпус ее будет исцарапан, на талии поместится большая вмятина, не знала, что несколько раз в жизни ей придется менять струны, как, впрочем, и всем ее предшественницам. И никто вообще не знал, что скрипка проживет такую долгую жизнь.

Несомненно, если бы каждая скрипка могла знать свое будущее, то она все равно не сказала бы ни единой душе. Но она даже этого не знала.

Она просто лежала, привлекательная и отполированная, слушая (а скрипки умеют не только звучать, но и слушать), как еле слышно скрипит дверь, и как быстро по магазину перемещаются шажки маленького человека.

Восьмилетний мальчик смотрел на изящный инструмент с тайным вожелением, но и мечтать не мог о его покупке. Он плотно прижался лицом к витрине, заглядывая в нее, как в волшебный аквариум, полный сказочных существ и неизвестной живности, так, что нос его слегка приплюснулся, а дыхание полуоткрытого рта оставляло белые запотевшие следы на тонком стекле.

– Хочешь поглядеть?

Высокий продавец, внешне походивший на слугу-дворецкого у какого-нибудь зажиточного господина средневековья, бесшумно вылез из-за прилавка.

– Отойди от стекла, разобьешь. Я сейчас ее вытащу, и ты сможешь посмотреть.

И снова за прилавок.

Мальчик продолжал смотреть на музыкальный инструмент, но теперь уже не на корточках, как раньше, а немного пригнувшись и отойдя от предмета своего восхищения. Белый след быстро исчезал со стекла, а за ним, внутри, появились тонкие руки, аккуратно подхватившие скрипку.

На мгновение она исчезла.

А в следующее мгновение уже появилась прямо перед мальчишкой, без защиты и преград.

– А можно?

– Конечно, – продавец быстро уловил мысли юного посетителя, – конечно, ты можешь ее взять.

Мальчик потянулся к ней, робко, боязливо и, боясь подойти поближе – он стоял слишком далеко, чтобы так просто притронуться к ней. Глупо было бы сказать, что она звала его. Нет, она просто лежала выше, чем обычно, и это ее ничуть не беспокоило. В каком-то смысле мальчик желал некоего «тайного знака», но и понимал, что его обыкновенного желания владеть ею будет предостаточно.

И он взял ее в руки.

– Умеешь играть?

Конечно же, нет, откуда? Но мальчик еще долго, выжидающе и с неким волнением во взгляде следил за играющими чертами лица продавца, и только потом, понимая, что другого выхода нет, положил скрипку на место.

Нет.

Таким был его ответ, но он не произнес его вслух.

И еще раз, мысленно, с досадой:

Нет.

– Возьми ее, давай. – Настаивал продавец. – Смотри, это очень легко. Надо всего лишь положить ее на плечо. Вот так, ага. А теперь немного наклонить голову. – Он поправил под-

бородок «музыканта» и быстро достал что-то из-за прилавка. – А видишь вот это? Это называется «смычок». Возьми его в другую руку. Так, молодец. Теперь пальцами придержи гриф вот здесь. – Он снова поставил ученика в правильную позу. – А смычком води по струнам. Посмотрим, что из этого выйдет.

Мальчик вздохнул.

Вжиииихр. Скриииииип.

По ушам провели наждачкой.

– Э, нет-нет-нет, дружок, – остановил его торговец, – давай-ка плавней. – Изящными пальцами он провел по воздуху, надежно сжимая в них невидимый смычок от своей невидимой скрипки. – Представь, что ты... эмм... что ты ее причесываешь.

Скрыыыыыыщз.

– Нет, погоди! Ладно. Ладно. – Длинные пальцы полезли вверх и забрались в волосы, слегка растрепав их. – Давай попробуем по-другому. Представь что-нибудь.

– Представить?

– Да, что угодно, что тебе нравится. Какое-нибудь воспоминание? Образ? Может, заветная мечта? Закрой глаза.

Мальчик зажмурился изо всех сил.

– Представил?

– Да, наверное.

– Плохо. Открой.

Он снова повиновался. Тьма расступилась и освободила

место реальности, снова нарисовав перед ним магазин, многочисленные прилавки и озадаченное лицо торговца.

– Посмотри вокруг.

Он посмотрел.

– Видишь метлу в том углу?

– Вижу.

– Дерево за окном видишь?

– Вижу.

– А там, дверь в кладовку, видишь?

– Да.

– Теперь закрывай глаза.

– Ага.

– Сейчас видишь что-нибудь?

– Нет, конечно.

– Включи воображение.

– Эмм...

– Теперь?

– Теперь вижу.

– Что видишь?

– Небо.

– Еще что?

– Еще звезды. Много звезд.

– Играй.

– Но я не...

– Играй.

Смычком по струнам. Наверное, для него это должно бы-

ло быть просто.

Первые ноты выдались робкими, еле слышными, и мальчик, Лев Дубай, еще не осмеливался открыть глаз. Забегая вперед, он не осмеливался открыть глаз до самого конца, боясь спугнуть, испортить музыку. Потом она стала чуть смелей, глубже. Пока что незатейливая мелодия, неуверенная, а позже – тонкая, с вкраплениями глубокого смысла, достойная хоть и маленькой, но похвалы.

Звезды танцевали. Сначала плыли по мрачной синеве, медленно выстраивались в хоровод, и начинали мерцать. Мерцать ярко, ослепляюще ярко. Некоторые срывались с неба. Потом они снова встали на свои места. И медленно затухли.

Ночное небо пропало.

Мальчишка кончил играть.

– Поразительно. – Продавец.

Наконец-то он начал улыбаться, но не мог произнести ничего, кроме:

– Поразительно. – И опять, с переменной в интонации: – поразительно.

На минуту могло показаться, что других слов он не знал вовсе, но, вскоре, отойдя от легкого шока, обронил еще одну фразу, больше себе, нежели мальчику:

– Я всегда знал, что в звездную ночь возможно все.

Он мог еще тысячу раз повторить слово «поразительно», мог больше. Но теперь у него появилась идея – блестящая

идея, почти грандиозная, и для ее реализации требовалось всего несколько слов и одно предложение.

– Тебе понравилось, да ведь?

Мальчик кивнул, не мигая, и тут же почувствовал, как от кивка его подбородок больно ударился о скрипку. Тогда он сообразил взять ее в руку и опустить.

– Вот что, дружок, – продавец костяшкой указательного пальца поправил аккуратно подстриженные усы, – я, конечно, не могу тебе ее отдать. Но есть идея получше.

Он написал что-то на маленьком листочке и протянул его мальчику.

– В любое время.

Он разрешил ему играть у себя.

Конечно, не стоит полагать, что торговец инструментами был таким уж бескорыстным и благодетельным человеком. Мальчик, играющий на скрипке и специально поставленный играть рядом с окном, привлекал посетителей, покупателей, зевак. И, если некоторые из них так и не покупали ничего в самом магазине, то не поскупились кинуть пригоршню монет мальчику-музыканту.

С каждым разом он играл все лучше, звезды не просто выстраивались хороводом, но и исполняли самые разнообразные танцы, становились в ряды, подмигивали, кружились вокруг своей оси и исполняли желания. Во всяком случае, они точно исполняли желания услужливого торговца.

Лев Дубай играл с закрытыми глазами.

Продавец с закрытыми глазами считал деньги.

Когда наступал вечер, скрипка возвращалась в витрину, грозясь, что кто-то скоро войдет и купит ее. Но оба они знали, что никому ее не продадут. Во всяком случае, не сейчас.

– Пойдешь домой?

– Наверное. Домой.

– К родителям?

– Да.

– Погоди.

Он остановился у самого порога, и дверные колокольчики замолчали. Тоже в выжидании следующих слов продавца.

– У тебя нет родителей, верно?

– Есть.

– Но не с тобой.

– Нет.

– И дома тоже нет?

– Нет.

– Вернись в лавку.

– А?

– Закрой дверь, холодно. И иди сюда.

Мальчик никогда не смел его послушаться, поэтому сразу вернулся.

– Где ты живешь? На чердаке? В развалинах? В заброшенном доме?

– Нет.

– Где?

– В детском доме.

– Где?

– В детском доме.

– Нечего тебе там делать. Знаешь, дружок, – он положил руку на плечо мальчика, – такой талант не должен пропадать. Сегодня ты остаешься здесь. А если тебя хватятся... что ж, я сам что-нибудь придумаю. Не бери в голову.

Он подмигнул, слегка потрепав мальчугана за волосы.

– Бог мой, я даже не думал, что... нет, все, ложись-ка ты спать. Вот, держи, ключи от кладовки. Знаю, что не царские хоромы. Завтра придумаем что-нибудь получше.

И, под шаги безропотно удаляющегося мальчика, продавец и владелец музыкальной лавки, Алексей Винц, продолжил бубнить себе под нос:

– Детский дом. Ну, подумайте только. Скрипки, наверное, в жизни не видел.

В этот день он остался ночевать на работе. Вернее, размышлять на работе. Точно знаю, что в такую ночь он заснуть никак не мог. При всем желании, в голове Винца засело лицо восьмилетнего мальчишки, зажмурившего глаза, предельно сосредоточенное, старающееся не упустить из сознания ни одной важной детали. Детский дом, думал продавец, не то место для этого мальчика. Он должен был усыновить его. Ну, или хотя бы украсть. Украсть его потенциал, заточить его возможности, выставить, как живую приманку для обогащения. Конечно, все это было только во благо ребенка, так

он полагал. Ему было его жалко, безусловно. Но, понимал Винц, он сам будет полным кретином, если не научится извлекать выгоду из этого самородка.

На следующий день он купил ему новую одежду: аккуратный пиджачок, рубашку, брюки и туфли. Мальчик не сопротивлялся – он был очень покладистым. Или, может, забитым. В любом случае, Лев не доставлял много хлопот, и это было его большим достоинством.

В лавке, у лавки, сбоку, спереди собиралась толпа. Мужчины и женщины, старики и старухи, и даже маленькие дети – все они приносили хотя бы монетку, чтобы пожертвовать одаренному мальчишке. Чувствительные мамы пускали слезу, некоторые (а бывало и такое) падали в обморок. Старушки умилялись, молодые люди и старики твердили, что «видят толк в этом юноше», а старушкам очень хотелось его поскорее накормить.

«Боже, как он играет!» – охали одни.

«Надеюсь, и мой ребенок сможет так» – вздыхали другие.

Аккуратно причесанный, хорошо одетый, Лев Дубай больше не вызывал ни у кого жалости, но вызывал нескрываемое восхищение – и еще какое! Он сделался маленькой достопримечательностью магазина, многие шли сюда, чтобы посмотреть, как играет одаренный мальчик. Ну и само собой капитал Винца, одну треть которого он честно тратил на мальчишку, был в плюсе.

Магазин быстро расширился, музыкальные инструменты Алексея Винца (такие же, как и у всех остальных) мгновенно выросли в спросе. Склады быстро пустели, богатенькие родители, желая обучить своих деток, скупали сразу несколько видов инструментов, зачастую переплачивая и не требуя сдачи.

Вскоре, открылся второй этаж, где инструменты были более дорогими и высокого качества. Такие Винц продавал профессиональным музыкантам, играющим, в основном, в оркестре или труппе. Эти люди имели хоть какую-то малую известность, и стали самыми любимыми посетителями торговца, их он ценил больше всего и предлагал им самые лучшие инструменты.

Мальчишка играл. Звезды мерцали. Чтобы видеть их, ему не нужно было открывать глаз – более того, он боялся открыть их и спугнуть призрачно мерцающий свет. Надо было всего лишь прислушаться.

Он прислушивался ко всему: к скрипу половиц, к топоту посетителей, к недовольным или радостным визгам приведенных в лавку детей и составлял из этого свою собственную музыку. Яркая картина окружающих его инструментов, витрины, стулья, столы, бледные руки, пухлые и костлявые, хватающиеся за грифы, смычки, барабанные палочки – все это он видел, не открывая глаза. Из этого получалась его мелодия. Не то чтобы она ему нравилась, но была неотъемлемой частью его жизни. Вернее, ранняя часть его жизни бы-

ла именно этой мелодией, звучала и переливалась веселыми шумами музыкальной лавки.

Каждый вечер Винц подсчитывал свой заработок – весело стучали друг о друга монетки, шелестели бумажные деньги. В это время Лев уже не играл (лишь иногда, когда ему самому этого хотелось) и сидел, опершись подбородком на скрипку.

– Прекрасно. – Отпускал продавец. – Восхитительно. – Продолжал он и вскоре, неизменно проведя большим пальцем по всем своим богатствам, добавлял: – великолепно.

– Это так важно?

– Что ты сказал?

– Я говорю, деньги – разве это так важно?

– Вот как. – Здесь он даже опешил, но никак не мог подать вида, поддерживая завышенную планку элегантного господина. – А что по-твоему важно?

– Все важно. Понемногу.

– Так?

– Деревья, небо, вода, животные... свобода.

– Свободу раньше выкупали. Слышал о крепостном праве? Чтобы быть свободным – надо было заплатить. Та же самая иерархия. Каждый должен подчиняться тому, кто выше его по сану, чину, званию.

– Обязательно?

– Конечно, таков закон природы.

– Это глупый закон.

Последнюю фразу Винц пропустил мимо ушей и продолжил размышлять дальше (видимо, его весьма забавляла такая точка зрения).

– Деревья, – над этим словом он усмехнулся выразительней всего, – небо... Можно заработать себе много денег, и купить большой дом где-нибудь среди деревьев, на берегу озера, – он сладко потянулся, повернув ключ в замке маленького ящичка, куда прятал все свои деньги, – собачку там завести. Понимаешь?

– Я могу сам построить дом. Кругом же деревья, правильно? Вот и бесплатные стройматериалы.

Улыбка торговца стала шире, обрамленная усиками, она выглядела еще более эффектно.

– Допустим, ты обладаешь не дюжей силой и вручную сломаешь все деревья. Но земля.

– Земля?

– На что ты купишь землю? Не будь у тебя денег – твой новый дом снесут те, у кого они есть. Если денег мало – ты всегда будешь слабее того, у кого их больше.

– Раньше денег не было. – Парировал мальчик.

– Раньше скрипок не было. – Одернул его продавец и, цокнув каблуками, удалился вглубь магазина.

Алексей Винц умер этой же ночью, то ли от безмерного счастья, не уместившегося в его хрупком теле, то ли, что более вероятно – от инфаркта. В любом случае, это означало мгновенное закрытие лавки и лишение Льва Дубая «посто-

янного места работы».

Вот тебе и свобода.

Смотри, наверху – небо.

Вокруг – деревья.

По городу бегают бродячие собаки.

Но неужели это важно?

Он не сразу признался себе, что не сможет жить без денег. Сначала думал, что все дело в атмосфере лавки, в ее топоте, шепоте, дверном скрипе. Потом начал осознавать, что важной была жизнь Алексея Винца. Но будь один Винц, без своего магазина – было бы это важно?

Он не был уверен, что волен куда-то идти, когда торговец несколько часов не выходил из маленькой комнатки в недрах магазина. Не был уверен, когда тот не принял ни одного клиента. Не был уверен, когда он не отругал мальчика за то, что прошло столько времени, а он еще не начал играть. Он даже не был уверен, когда двое санитаров на носилках погрузили в машину накрытое плотной тканью человеческое тело. Оно и понятно, он же всего лишь ребенок.

Ребенок со скрипкой.

Уличная мелодия

Ребенок со скрипкой был отдан городу.

И небу.

И деревьям.

И косым взглядам прохожих.

И большому зеленому зданию, называемому Эрмитажем. Это где-то в Петрограде, на округлой территории, которые потомки обезьян именуют площадями. Конечно, плюс ко всему, у каждой площади должно быть какое-то наименование. Так вот, эта площадь – Дворцовая. И мальчик остался на этой площади. И начал играть. Играл от того, что ему совершенно нечего было делать (собственно, это было единственным, что он умел) и идти было некуда. Многие прохожие узнавали в нем «того ребенка из магазина Винца», и из жалости или за хорошую игру, бросали ему несколько монет.

Может быть, он играл, потому что для него это было важно.

Так продолжалось несколько дней. Он мог спать прямо на улице – это не составляло для мальчика особого труда – или незамеченным пробираться в какую-нибудь из коморок музея, со швабрами или испорченными экспонатами. Вообще, он прекрасно умел обходиться без крыши над головой. Брошенных монет вполне хватало на существование, а о большем он и не просил. Постепенно Лев из «мальчика из магазина» превращался в настоящего уличного музыканта. Теперь некоторые приходили специально, чтобы послушать и посмотреть на него. Стоящие в невыносимых очередях люди были несказанно рады такому представлению.

Неизвестно сколько еще времени такая жизнь устраивала мальчишку, если бы в один день к нему не подошел один

вполне заурядный человек. На вид ему было лет двадцать пять, в руках был футляр. Ничего необычного, согласитесь? В каждой стране обязательно найдется хотя бы тысяча человек двадцати пяти лет, и хотя бы двести из них – с футляром в руках. Стоит сказать, что такие футляры были не редкостью (если вы все еще этого не поняли), и Лев мог быстро узнать в нем те, в которых Алексей Винц продавал инструменты. Скорее всего, в этом была скрипка.

Насколько известно, многие читатели лучше воспринимают образ человека путем его детального описания. Что ж, портрет его был таков (если для вас это не имеет значения – пропустите этот абзац):

Он был невысок ростом, плечист. Длинный плохо сидящий пиджак почти не выдавал его худощавость, если б его полы, поднимаемые порывами ветра, не приоткрывали старую бело-серую рубашку. Легкая полуулыбка пробуждала ото сна уже появившиеся морщинки, голубые глаза весело смотрели из-под очков. «Похожи на звезды» – так позже подумал Лев Дубай, глядя в них. Незнакомец держался уверенно, хоть и изрядно устал, что было заметно не только по осанке, но и слегка всклокоченным, когда-то зачесанным назад волосам.

Герман Елагин.

Если кому-то это важно.

Но Лев не видел его – привычка играть с закрытыми глазами никуда не девалась, и, чтобы деликатно оторвать его

от игры, молодому человеку пришлось сначала кашлянуть, а потом аккуратно дотронуться до плеча мальчика. Музыка прервалась. Звезды подернулись и погасли.

– Я видел тебя в магазине инструментов.

Мальчик молчал.

Возможно, он испугался. Может быть, ждал, что подошедший к нему человек захочет сказать еще что-то, более важное. Но, что ближе к правде, он просто еще не знал что ответить. Поэтому таращил глаза.

– Хорошая скрипка. Много раз смотрел на нее в витрине, а потом заметил, что она стала куда-то пропадать. Оказалось, что хозяин нанял какого-то мальчишку, чтобы играть и заманивать клиентов. – Он говорил без укора. Скорее, просто пытался предать значимость этому разговору (пока что, монологу) или подвести повествование к какому-то вопросу. – Но ничего. Я купил себе новую. Почти такая же, как у тебя. Хочешь посмотреть?

Маленький музыкант кивнул, и Герман кивнул ему в ответ. Вжикнула молния на футляре. Молодой человек встал на одно колено и бережно, словно младенца, достал свой инструмент.

Льву уже второй раз показывали скрипку.

Уже второй раз она притягивала внимание, как чудесный экспонат, как археологическая находка и, отполированная, отражала в себе недоуменное лицо мальчугана.

Уже второй раз она была новенькая, блестящая, юная. Ка-

залось, она даже боялась зазвучать и сразу же впала бы в депрессию, прикоснись к ней кто-нибудь хоть пальцем. Или, что еще опасней – смычком.

– Как думаешь, она сможет играть, как твоя? – Спросил молодой человек.

– Это очень хорошая скрипка. Очень молодая.

– Очень новая.

– Нет. Именно молодая. Она должна звучать тонко, не как моя.

– А ты настоящий мастер.

– Можно мне ее? Я хочу ее послушать.

Поправив очки, музыкант Елагин протянул собеседнику свою скрипку. А взамен получил его инструмент – на поддержку.

Мальчик осторожно коснулся деревянного корпуса и пальцами поплыл вверх, к самой верхушке грифа.

– Найдется смычок?

– Конечно, держи.

Глаза было закрывать не нужно.

Он не играл – он пробовал ее звучание. Как сомелье медленно глотает вино, как гурман не спеша разжевывает кусок прожаренного мяса, при помощи одного лишь языка определяя все его составляющие и проверяя на подлинное ощущение. Она была такой, какой и должна быть. Совершенно обыкновенная, но очень хорошая скрипка, пока еще не нашедшая своего мастера.

Лев был уверен, что, не будь у него его старого инструмента, он непременно выбрал бы этот. А так, что ж... она была довольно неплоха. Но она была не для него.

– Неплохо. – Он мог бы сказать «прекрасно» или «у Вас отличная скрипка», в крайнем случае – «очень хорошо», но, так уж вышло, дети не умеют врать. Поэтому мальчик ограничился простым «неплохо» и вернул скрипку музыканту. Затем, подумав немного, добавил: – Знаете, мне кажется, мой смычок подойдет больше.

– Дело в смычке? – Молодой человек не казался удивленным (более того – он и не был таковым). Скорее, такая серьезность и решительность маленького человека позабыла его. Он едва сдерживал смех, который распирает любого взрослого, видящего чрезвычайную самостоятельность детей, но, с другой стороны, испытывал некое уважение к мальчишке, уважение к музыканту, знающему свое дело.

– Нет, просто так будет лучше.

– Уверен?

– Можно попробовать.

Мальчишка забрал у собеседника свою скрипку, но оставил ему смычок. Он знал, что звучание изменится, но не знал почему.

Герман Елагин обхватил инструмент, сконцентрировавшись, как подобает профессиональному музыканту и, некоторое время повертев смычок мальчика в руках, наконец, поднес его к скрипке и плавно повел по струнам.

Получалось гораздо лучше. Звучание выливалось в прекрасную узорчатую фреску, то быстрее, то медленнее проплывающую в воображении. Это был прекрасный смычок, он сотворил большую разницу в звучании скрипки. Однако эту разницу мог уловить лишь чуткий слух и бурная фантазия ребенка.

Герман не услышал никаких отличий.

– Правда, так лучше. – А вот еще одно отличие, только, на этот раз, отличие взрослых от детей: взрослые умею врать.

Хотя, может быть, он не врал. Может быть, ему тоже показалось, что так было лучше. Опять же, только может быть, что смычок мальчика было попросту удобнее держать в руке. Но, скорее всего, это вырвалось машинально – Елагин был из тех, кто не может промолчать.

– Можете забрать.

– Твой смычок?

– Да, берите.

– А как же ты будешь играть?

– Вы дадите мне свой.

– Хочешь поменяться?

– Да. Я смогу играть любым смычком.

– Не стоит.

– Но так же лучше.

– Несомненно.

– Так что же?

Герман Елагин прикусил губу – признак задумчивости №1

– и насупил брови – признак задумчивости №2. В голове его, медленно, но верно, созревала мысль. Она была недоступна никому, кроме него самого, и открылась не сразу, только через четыре дня после первой встречи со Львом Дубаем.

На некоторое время нам придется покинуть Дворцовую площадь и оставить мальчика со скрипкой.

Вот вам маленькое утешение – это ненадолго.

Нужно сказать лишь, что единственный раз в жизни, в тот раз, когда маленький музыкант задал Герману последний прочитанный вами вопрос, он не нашелся что ответить. Более того, казалось, он пропустил этот вопрос мимо ушей, чего никогда раньше не делал, и, забрав скрипку со своим (!) смычком, поспешил покинуть площадь. Мальчишка, как понимаете, остался играть.

Филармония

Петроградская академическая филармония находилась на площади Искусств. Вы можете найти ее и сейчас. Для этого надо всего лишь пройти по Михайловской улице, обогнуть Михайловский сквер или пройти по нему, и вы выйдете к нужному месту.

Однако стоит упомянуть одну важную деталь.

Улица – это нечто отдаленно похожее на площадь. Только, если площадь в своих квадратных метрах занимает обширное местоположение, то улица измеряется ими же, но сложенными в одну цельную полосу. Проще говоря, если вы раскатаете площадь так, чтобы получилась длинная линия, то можете смело именовать ее улицей. Или, если вам больше нравится, дорогой.

Разумеется, Герман Елагин прекрасно знал что такое «улица» и что такое «дорога» почти так же четко, как знал это руководитель филармонии – Роман Андреевич Конкин. Это был плотный, светловолосый мужчина пятидесяти-пятидесяти двух лет, с легкой небритостью и слегка выюющимися, пушистыми волосами. Голубые глаза извечно казались грустными, из-за специфического разреза, что давало некую несостыковку его внешности с его же характером и темпераментом. Роман Андреевич был приятным, хоть и не очень общительным человеком, с тихим грубоватым голосом и отличными вокальными данными. В силу своей должности он должен был уметь (и, в общем-то, умел) играть на гитаре, саксофоне, скрипке, контрабасе и еще нескольких видах непонятно как подобранных инструментов, дирижировать и красноречиво изъясняться при случае.

Он любил свой кабинет, любил концертные залы, любил природу и ненавидел, когда кто-то врывается к нему без стука, что и произошло примерно в 13 часов четверга данной недели.

– Роман Андреевич.

Роман Андреевич был эдаким кулинаром звука в своем деле. Не оборачиваясь и, более того, не отрываясь от чтения, он смог различить множество эмоциональных примесей в голосе ворвавшегося человека. Первой из них было волнение – его выдавало свойственное придыхание и быстрый темп речи. Второе – страх. Еле слышное подрагивание голоса. И, наконец, какая-никакая уверенность. Это уже можно было понять не по речи, а по простейшей бесцеремонности, с которой Герман Елагин ворвался в кабинет.

Роман Конкин поднял указательный палец, требуя тишины, как делал всякий раз, когда хотел оттянуть беседу или скрывал свое возмущение. В данном случае в жесте присутствовало и то, и другое.

Елагин долго изучал палец взглядом, затем переметнулся на очки, неподвижно сидящие на лбу руководителя (солнечные очки – обычные сейчас сидели у него на носу и, собственно, при их помощи он читал). Наконец, газета как бы сама собой сложилась вдвое и легла на стол.

– Во времена Марка Аврелия за такое вторжение Вас бы четвертовали. А теперь присаживайтесь и говорите, что Вам? – Обе пары очков медленно опустились на стол. Стул, придвинутый Романом Алексеевичем, скрипнул, и Елагин, приняв это за своеобразный знак свыше, поспешил занять место напротив.

– Кажется, во времена Марка Аврелия Вам никто не пред-

ложил бы должность руководителя филармонии. – Герман закинул ногу на ногу, довольный своей остротой, но тут же поспешил принять серьезный вид, осознавая свое положение подчиненного.

– Вы правы. – Ничуть не смутился мужчина. – Мне пришлось бы руководить страной или, как минимум, такими как Вы. Впрочем, почти никаких видимых отличий. Разве что, Вам пришлось бы носить доспехи и играть на лютне, дорогой Герман.

– Роман Алексеевич.

– Герман Денисович?

– Мне нужно Вам кое-что показать.

Конечно, вряд ли Марк Аврелий так решительно встал из-за стола, если бы услышал, как некий Елагин произносит столь неопределенную фразу, как: «Мне нужно Вам кое-что показать». Однако, для Романа Алексеевича Конкина было вполне достаточно особых нот уверенности в интонации его собеседника. Он встал, прошелся по кабинету и встал в выжидающей позе.

– Ну?

Герман поднялся со стула и, следуя траектории руководителя, остановился ровно в том месте, где и Роман Алексеевич.

– Идемте. – Елагин открыл дверь и жестом пригласил Конкина выйти. Они прошли по коридору, миновали несколько этажей, в полном безмолвии вышли на улицу, и только то-

гда в голову Романа Алексеевича закралась мысль, что он, кажется, забыл ключи от кабинета.

Уличная мелодия. Продолжение

Если сложить в ряд коридор второго этажа Петроградской академической филармонии, коридор первого этажа и применить к ним ширину порога при входе, то получится как раз такая дорожка, по которой шли сейчас Герман Елагин и Алексей Конкин. Второй из них изредка хлопал себя по карманам, проверяя, не забыл ли чего еще и, нащупав в брюках пачку сигарет, остался доволен такой находкой. Он медленно выпускал серо-белые кольца дыма, под цвет рубашки своего спутника, наблюдая, как они плавно рассасываются в воздухе.

Справа от тлеющего кольца, вглубь улицы, – заколоченный магазин музыкальных инструментов Алексея Винца, где несколько доверенных лиц закупили музыкальные инструменты для работников филармонии. У Романа Алексеевича у самого была одна маленькая дешевая флейта, вроде подарка для оптовиков, на которой он, честно говоря, никогда не играл. Она просто висела на стене, как музыкальный трофей и напоминание о том, что Роман Алексеевич не умеет играть на флейте. Он почесал подбородок и выбросил из головы навязчивую мысль об инструменте, очень вовремя, – они как раз входили на Дворцовую площадь.

Мелодия скрипки быстро достигла его чуткого слуха, через ушную раковину в самый мозг, а там – в коридоры его памяти.

– Не припомню такого композитора. – Обратился он к Елагину, неожиданно остановившись и задумчиво оглядывая зелено-золотую стену музея.

– Мне кажется, это импровизация.

– Для импровизации слишком чисто. Что-то я не припомню, чтобы кто-то воскресил Паганини.

– Вы верите в реинкарнацию?

– Неуж-то Вы считаете, что великий скрипач реинкарнировал в этого уличного музыкантишку? – Взгляд Конкина не выискивал Льва Дубая, не выискивал хотя бы примерную сторону, откуда шло звучание, зато явно сверлил Германа Елагина насквозь. Он не верил в одаренных людей, как и не поверил бы в существование монстра под своей кроватью. Чтобы добиться успеха – требуются годы усилий, так он считал, и никто не рождается одаренным, как не рождается сразу директором фирмы. Устойчивое, неоспоримое мнение упрямого человека.

Герман улыбнулся, пожимая плечами – все может быть.

– Вы хотели мне что-то показать, Герман?

– Лев Дубай.

– Что?

– Переродившегося Паганини зовут Лев Дубай. Я узнал. Переродившийся Паганини стоял не в самом непримет-

ном, но и не самом видном месте. Он был гораздо младше своего предшественника, был менее опытным и, самое важное, не сильно нравился Роману Алексеевичу Конкину.

– Вы же понимаете, что я не откажусь от своих принципов? – Руководитель филармонии придирчиво рассматривал мальчика, будто специально выискивая в нем всяческие изъяны. Мальчуган не просто не нравился Роману Алексеевичу. Конкин хотел, чтобы уличный музыкант ему не нравился. – Я же вижу, что он нигде не учился и не имеет ни малейшего понятия о профессиональной игре. Даже не думайте просить меня о том, чтобы я взял его в филармонию, если только сами не вырастите его и не оплатите его обучение. Скрипачей очень много. Вы даже не представляете себе, насколько много. Не станем же мы ходить по улицам и подбирать каждого подающего надежды оборванца.

– Даже если оборванец – в будущем великий музыкант?

– Как быстро Вы стали провидцем! Великий музыкант! Да завтра Ваш великий музыкант может слечь от оспы, а послезавтра – в гроб.

– Только если мы не поддержим его талант.

– Мне не нужны таланты, – процедил Роман Алексеевич, – мне нужны мозги. Мозги, которые умеют читать ноты с листочка и тыкать по клавишам или водить по струнам в соответствии с этими нотами. Мне не нужна инициатива, мне не нужен дар свыше, и, тем более, этот мальчишка, будь он хоть трижды одарен.

– Вы не музыкант!

– А кто же, по-Вашему?

– Делец. Предприниматель. Кто угодно! Кто угодно из тех, кому нужна не музыка, а привычный ему уклад! – Впервые в жизни Герман позволил себе так грубо разговаривать с руководителем. Даже его уши покраснели от злости, но он был уверен, что это произведет эффект. Правда, точно не знал, какой эффект. – Эго, плотно засевшее в своей зоне комфорта.

– Эго?

– Да. – Уверенности в голосе поубавилось, но отступить было поздно.

– В зоне комфорта?

– Именно.

Елагин был уверен в своем полнейшем крахе, но, как часто случается у людей, все происходит с точностью наоборот от того, что они себе представляли. Так, голос и вид Романа Алексеевича стал спокойным – затишье, которое никогда нельзя принимать за окончание бури. Спокойный человек во время жаркого спора гораздо страшнее разъяренного быка. Он может выжидать, выискивать слабое место, а потом одним лишь тычком поразить противника, одним колким словом. Герман прекрасно знал, что после этого его обязательно ждет что-то нехорошее и поспешил прибавить, в качестве оправдания:

– Винц зарабатывал на нем неплохие деньги.

Роман Алексеевич кивнул.

– Что ж, давайте подойдем к Вашему музыканту.

Гении и мудрецы

Арканджелло Корелли достиг совершенства в игре на скрипке, вдохновлял Антонио Вивальди и Джузеппе Тартини. Антонио Вивальди стал наиболее ярким представителем скрипичного искусства, а Джузеппе Тартини даже внес некоторые усовершенствования в конструкцию скрипки и смычка. Музыка Джовани Виотти отличалась особой трогательностью и лиричностью. Николо Паганини однажды сыграл целый концерт всего на одной струне, так, что этого никто не заметил. Арни Вьетан, Генрик Винявский, Жан-Мари Леклер, Пабло Сарасате. И, видите ли, в их компанию никак не вписывалось простенькое имя неизвестного Льва Дубая, и Роман Алексеевич понимал это, но изо всех сил старался не афишировать свои мысли.

Каждый, кто когда-либо прикасался к скрипке, хоть на мгновение, но был очарован ее изящностью, тонким звучанием струн. Разумеется, кроме тех, кто использовал скрипки для растопки печи, но таких людей было мало, и они были чрезвычайно глупы или несчастны. Долгое время скрипки считались музыкальными лошадьми. Как лошадь олицетворяет идеальные пропорции в животном мире, так и скрипка имеет полное право претендовать на этот высокий чин

среди других инструментов. Однако, не каждый человек, играющий на великом инструменте может считаться великим музыкантом.

Быть великим музыкантом при жизни – неслыханная роскошь. Быть великим музыкантом после смерти – всего лишь дань памяти. Непризнанные в свое время музыканты, ставшие легендами после кончины – везунчики.

Забегая вперед, скажу: нельзя считать Льва Дубая непризнанным гением, нельзя восхищаться его талантом или его осквернять. Он не был великим в детские годы, не добился величия, став взрослым и не заслужил хвалы, будучи стариком. Даже когда он умрет, скажу честно, вряд ли кто сможет вспомнить о нем.

Алексей Винц умел ценить талант и знал цену таланту. Извлекая выгоду из искусства, но оставаясь его ценителем, он сумел душевно обогатить мальчишку и материально обогатиться сам, хоть тоже не был ни гением, ни полудурком.

Герман Елагин был наивен. Он рассматривал мир, как дети смотрят на картинки в книгах. Чем цветнее и красочней – тем лучше для него. Музыка Льва переливалась теми самыми красками, точные оттенки музыкальной палитры заставили Германа поверить в него. Он перелистывал страницы, замороженный каждой новой мелодией, и был чист, как ребенок.

Проницательный Роман Конкин, вдумчивый и рассудительный человек с, как может показаться, странной точкой

зрения, даже оценив Дубая, не делал из него героя своего времени. "Да, он действительно хорош" – все, что вы могли бы от него услышать, не больше, но и никак не меньше. Возможно, только возможно, в душе, он восхищался мальчишкой. Но никто об этом так и не узнал.

Каждый использует музыку по-разному.

Но мудр тот, кто не использует музыку совсем.

Глава 2

1927

Человек с железной фамилией курил трубку в своем кабинете. Серые дымовые кольца застилали все вокруг и становились светлее, попадая на луч, просачивающийся сквозь задернутые шторы. В кабинете было темно – так Человеку лучше думалось. Его дыхание было ровным, глаза следили за ползущей стрелкой часов. За дверью выстроился караул – никто посторонний не мог потревожить Человека. Впервые за долгое время он сидел так неподвижно – он отдыхал.

В висках стучали тяжелые станки, макушка была накопальной, звенящей под ударом тяжелого молота.

Что-то должно было произойти.

Но Человек не знал, что произойдет и продолжал курить трубку.

Творец

Зал филармонии замер в ожидании музыканта. Свет погас. На сцену вышел юноша со скрипкой. Он играл мелодию, кажется, своего собственного сочинения. Как и всегда, в ее названии присутствовало то ли звездное небо, то ли просто звезды. Одиночество и темнота сцены не смущали его, восторженные лица зрителей, ловающих каждую ноту, слетающую со струн, не стесняли движения. Он играл с закрытыми глазами, но никто не обращал на это внимания.

Это был Лев Дубай.

Он действительно выступал в филармонии Конкина. И, к слову, самый первый его концерт не удался, однако, в скором времени удалось это исправить. "Мальчик из магазина Винца", превратившийся в "Мальчика с площади" теперь стал музыкантом Ленинградской академической филармонии.

Свободных мест в зале не было.

Зато был один гражданин. С Вашего позволения, дорогой читатель, об этом человеке я расскажу позже, почти сразу после того, как мы заглянем за кулисы филармонии.

Там стоял Роман Алексеевич Конкин и наблюдал за юношей, восхищенно и придирчиво.

– А Вы говорили, что он не способен, – сзади подошел Елагин. При любом удобном случае, он не упускал возможность сказать: "Ну я же говорил".

– Неплохо для уличного оборванца, – сквозь зубы процедил Конкин. Отшутился или отмахнулся от разговора –

неизвестно.

Мальчик не понравился ему, но и не был сильно приятен, хотя приносил хороший доход филармонии. Возможно, дело было в том, что он был с улицы, человеком из детского дома. Из таких ребят мало кто вырастает порядочным гражданином. Конкин ждал, чтобы эта сущность проявилась в скрипаче, но и опасался, что она вылезет наружу. Он любил игру юноши, поэтому вынужден был симпатизировать ему самому.

Роман Алексеевич пробежался взглядом по рядам, шурясь так, как шурится любой человек, носящий очки и заметил гражданина. Приосанившись, он довольно качал головой в такт музыке, но не позволял себе лишних движений. Он был в гражданском, но манеры его и поведение отчетливо выдавали в нем военного. Гражданин был большим и грузным для меня, но внешне ничем не отличался от существ, называемых людьми. Никто не смотрел на него, и Роман Алексеевич тоже не задержал на нем своего взгляда.

Все были довольны.

В конце мелодия затихла, умерла, но тут же переродилась в шквал аплодисментов. Кто-то шепнул, чтобы давали электричество, и сцену, и толпу охватила яркая пелена света.

Народ загудел.

– Молодое дарование!

– Прекрасно!

– Какая чудесная музыка!

Молодое дарование выпрямилось, поклонилось, как его учили, и скрылось за сценой, предоставляя ее следующим музыкантам.

– Лев?

– Да?

– Тебе нравится сцена?

– Нет.

– Почему же ты выступаешь?

– Вы сами попросили меня.

Это был самый длинный диалог между Львом Дубаем и Романом Конкиным. Пронзительный, твердый взгляд руководителя филармонии еще долго сверлил спину уходящего в глубь коридора музыканта.

Но, вернемся к гражданину из зрительного зала.

После того, как толпа разошлась, он остался в первом ряду, задумчиво заложив ногу на ногу и почесывая гладко выбритый подбородок.

– Концерт закончился. – Напомнил невысокий мужчина, словно призрак, выплывающий из-за кулис. Вид его был озадаченным, но сам он ничуть не был заинтересован зрителем. Его целью было побыстрее его спровадить, чтобы закрыть зал – таковы были его обязанности.

– Прошу прощения. – Гражданин медленно поднялся с кресла, разглаживая черные полы пиджака. – Я сейчас уйду.

– Вы что-то хотели?

– Собственно, нет.

– Кто Вы такой? – Излишнюю подозрительность старика-смотрителя можно было объяснить, сказав лишь, что он старик, да и к тому же еще, смотритель.

– Я преподаватель военно-допризывной подготовки в Белорусском государственном университете, если Вас интересует.

– Военный?

– В 1918 году вступил в Красную армию, в Гражданской войне участвовал. Потом назначили командующим кавалерийским полком здесь, в Ленинграде. А теперь... ну, я уже сказал.

– Белоруссия?

– Да, Белоруссия.

– Семен Павлович. – Дед протянул собеседнику тонкую, покрытую волдырями и слоем коптии руку, но тот без раздумий принял ее.

– Георгий Константинович. – Ответил гражданин и покинул зал.

Темнота

Скрипка лежала на столе, как и восемь лет назад, такая же молчаливая, но уже изрядно помудревшая. Она уже не была такой наивной, как раньше, перенесла множество событий, получила несколько увечий, научилась преданности. Она знала, кто ее хозяин, она любила с ним играть и засы-

пать в открытом футляре после отыгранного концерта. Каждый раз она чувствовала теплоту его подбородка. Она знала, что он не смотрит на нее, что он не смотрит вообще никуда, когда общается с ней, и ей это нравилось.

Лев Дубай сидел напротив нее, на маленьком шатком стуле, списанном начальством филармонии и специально приращенном в его "комнату" – небольшую коморку, когда-то бывшую чьим-то кабинетом. Стул скрипел, одна из ножек постоянно скрежетала, грозясь вот-вот отвалиться. Скржжжщц. Так звучит скрипка в неумелых руках.

В его комнате не было новой мебели: небольшой комод с вывалившимся ящиком, треклятый стул, испачканный письменный столик и узкая, плотно впившаяся в пол, кровать.

Лев не любил эту комнату ровно так же, как не любил и все помещения. Не из-за грязных обоев, не из-за плохого освещения и недостатка предметов домашнего обихода. Из-за наличия стен. Из-за ограниченности, из-за ее угловатой формы с четко установленным метражом. Он мог попросить новую мебель, мог потребовать яркие шторы или картину во всю стену – все это ему готовы были предоставить. Но единственное, чего ему действительно хотелось, – улица. Пространство без преград и ограничений, мокрое, скользкое, холодное пространство, не стесняющее движений.

Он любил проводить время в концертном зале – там были большие окна, никогда не зашторенные, без решеток. Любил смотреть, как сквозь стекло рассеиваются солнечные лучи

и, выглядывая из-за кулис, наблюдать, как шуряются зрители. Ему нравилось открывать эти окна и высовываться в них так сильно, как только можно, выпрыгивать из них на улицу – они были шире, чем дверь – и долго-долго гулять по двору, заходить в парк и делать вид, что он не замечает, как о нем перешептываются редкие прохожие.

Расписание концертов, казалось, было готово на годы вперед. Роман Алексеевич и Герман Елагин записывали то, что играл Лев, нотной грамотой, не утруждаясь тратить время на то, чтобы обучить ей музыканта. Он никогда не придумывал заранее, каждая новая мелодия была сюрпризом для него самого, он играл о том, что думал, когда выступал один, и умело повторял за остальными, когда в труппе играл классические произведения. Лев даже запомнил кое-что из Вивальди, переложил на скрипку несколько мелодий Бетховена и Чайковского.

Звезды были его верными спутниками. Маленькие, почти незаметные точки в недрах черного небосвода – неуловимые ноты, чуть больше – грубые, длинные звуки. Он играл с той скоростью, с которой они перемещались по небу, а перемещались они всегда по настроению, не подчиняясь ничьим правилам. Когда они бежали ровным строем, музыка была незамысловатой, расслабляющей. Когда звездная вереница изображала причудливые фигуры, звучание менялось, бежало за ними или степенно, никуда не спеша, вышагивало. Иногда звезды рисовали целые картины: медведь в лесу

– грубая мелодия, чайка, пролетающая над водной гладью – кричащая, громкая музыка. Они превращались в пейзажи, натюрморты, становились лучшими художниками, но все это были звезды, холодные и горячие небесные тела.

Ночь была довольно долгой. Лев тысячу раз смотрел на ее небо, в надежде увидеть тех, кто помогает ему создавать музыку, но никогда еще не видел тех самых звезд, сбивающихся в хороводы, никогда еще ему не удавалось услышать их трели. Однозначно, это были не они.

Он не был ни одинок, ни вовлечен в компанию. Он не любил молчать так же, как и ненавидел разговаривать. Маленький Лев Дубай – клеймо, впечатавшееся в подсознание каждого артиста филармонии, каждого руководителя и каждого зрителя.

Его просили – он играл. Если бы его сегодня же выставили на улицу, он безмолвно собрал бы вещи и скрылся в ночной тиши. Он умел писать, настолько хорошо, насколько его научили в детском доме. Он мог читать вывески и афиши, но никогда не брался за книги. Он не записывал свои мелодии, но помнил их наизусть. Он был в детском доме, в музыкальной лавке, на улице, а теперь, будучи шестнадцатилетним, подкладывал свернутую книжную страницу под шатающуюся ножку стула в Ленинградской академической филармонии.

Лев любил общаться с Германом Елагиным, хорошо относился к старому сторожу, уважал Романа Конкина. Он не

был ни с кем в конфликте, но и не поддерживал сильных дружеских отношений.

Ночь опускалась все ниже.

Юноша-музыкант сидел напротив скрипки, не шевелясь, до самого наступления утра.

Музыка из ничего

Утром оркестр не давал концертов. Оркестр не какая-то там филармония, не добывающий себе пропитание и гонящийся за деньгами кабак. Оркестр – это высокое искусство. Он требует познания, большого опыта, развитого чувства прекрасного. Кто угодно не может попасть в оркестр, только лучшие из лучших, только самые талантливые. Если ты – уличный музыкант, дорога туда навсегда для тебя закрыта. Если ты когда-либо играл в филармонии, можешь сколько угодно топтаться под дверью, но просьбу твою никто не услышит. И, главное, если ты еще не окрепший юноша, не имеющий понятия о композиторах, о всей музыкальной подноготной – никогда не приходи туда, даже не стоит пытаться.

Оркестр – это маленький город и большая семья. Он не терпит новичков и сильно дорожит теми, кто уже много лет с ним. Оркестру нужен глава, и этим главой стал Антон Афанасьевич Палицкий.

Так он думал об оркестре, ибо именно его мысли были вами сейчас прочитаны.

Антон Афанасьевич никогда не предавался грезам – это была его лучшая черта. А теперь, расскажу обо всем остальном.

Это был тощий, тщедушный человечек, старающийся выглядеть как можно респектабельней. Он придавал форму бороде на манер утонченного француза, но плохо за ней следил. Он гладко зачесывал волосы, но непослушные пряди все время выбивались из общего строя. Его глазки постоянно изучали внешний вид своего оппонента, начиная с узла на шарфике и заканчивая каблуками туфель. Его одежда была недорогой, но сидела на нем, как на манекене. В целом, глядя на Антона Афанасьевича можно было подумать: "Это уважаемый человек", но, познакомившись с ним, вы вряд ли вернулись бы к своему прежнему мнению. Он не уважал никого, кроме самого себя, но умел ловко это скрывать.

Он был не легким, и не тяжелым. Он был из тех, кто вызывает зуд.

За всю жизнь он держал в руках лишь дирижерскую палочку, не больше скрипичного смычка. Но именно эта вещь, как скипетр и держава в руках монарха, наделяла своего обладателя признаком главенства.

И он очень переживал, когда ему приходилось отказываться от своих принципов, когда вынужден был сменить личину "знатока искусства" на "ценителя низшего сорта".

Он думал о Льве Дубае.

Палицкий посещал филармонию, но ходил только на его

концерты, каждый раз все больше и больше присматриваясь к молодому музыканту. В отличие от других, Антон Афанасьевич сразу понял, что юноша играет свои композиции, и это сильно удивило бывалого дирижера.

Высокое положение оркестра на лестнице его приоритетов и великолепная игра мальчишки из филармонии зажимали его между собой, как медленно сдвигающиеся друг к другу стены. Лев Дубай был той жемчужиной среди тонн песка, тем цветком среди полей, заросших полынью, который и был ему нужен.

Но, беда была в том, как считал Антон Палицкий, что грибы не растут на море, ягоды, в большинстве своем, не растут на деревьях, а талантливые музыканты не играют в филармонии.

"В каждом правиле есть исключение" – и он вождедел перед этим исключением и боялся его. Лев Дубай был недостижимой мечтой, находящейся в непристойном для мечты месте, был маленьким куском золота, из-за которого надо пройти через грязную шахту.

Он тихо сидел на последнем ряду и боролся с внутренней бурей.

Разумеется, он не знал про звезды. Само собой, он не видел закрытых глаз, сквозь сгущающуюся тьму. Он вообще не видел никого и ничего вокруг, поглощенный своими раздумьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.